

ПРЕДИСЛОВИЕ

Еще в далекие 30-е годы выдающийся советский географ Н.Н.Баранский ставил задачу создания "социогеографии", изучающей территориальную организацию всего общества в целом, а не только хозяйства. Однако углубленная разработка методологических проблем "социально-экономической", а затем и "общественной географии" в нашей стране начинается лишь несколькими десятилетиями позднее благодаря трудам В.М.Гохмана, Р.М.Кабо, Ю.Г.Саушкина, В.В.Покшишевского, Э.Б.Алаева, С.А.Ковалева, С.Б.Лаврова, Я.Г.Машбица и других ученых.

Понятие и термин "общественная география" все прочнее входят в идейный багаж и лексикон современной отечественной "нефизической" географии. Позади остались дискуссии о правомерности применения этого термина. Сегодня подавляющее большинство ученых готово признать существование общественной географии. Более того, не признавать ее стало уже признаком консерватизма.

Трудно избежать соблазна и не связывать развитие общественной географии с социально-экономическими преобразованиями в нашей стране. Да и надо ли его избегать? Ведь связь тут вполне очевидная. Именно коренная общественная ломка высветила узость чисто экономического подхода к "нефизической" географии, именно в 80-е годы обществу особенно остро потребовались знания о самом себе во всех его аспектах, а не только (и даже не столько) в экономическом аспекте, к изучению которого и сводилась советская "нефизическая" география. Вскоре выяснилось, что последняя неспособна оперативно ответить на этот социальный заказ, поскольку почти все внимание ученых было традиционно сосредоточено на решении сугубо хозяйственных задач, а другие стороны общественной жизни если и затрагивались, то лишь в экономическом ракурсе.

Страна же, общественность нуждались в глубоком понимании как раз внепроизводственных проблем, и прежде всего национального вопроса, политической географии, территориальной справедливости и т.п., а здесь советская география, как выяснилось, не наработала готового материала, так как была поглощена вопросами хозяйства. Некоторым научным багажом могли поделиться географы-"зарубежники", усваивавшие зарубежный опыт в данных областях, но опыт этот столь же богат, сколь и своеобразен, так что и речи не могло идти о его прямом переносе на отечественную почву.

Традиционно советская экономгеография исходила из представлений о том, что главным в общественной деятельности является производство, что экономика определяет остальные общественные институты, что человек есть прежде всего трудящийся и что все стороны общества должны быть организованы таким образом, чтобы способствовать наивысшей экономической эффективности производства. Человек представлял для нее интерес прежде всего как трудовой ресурс; он был средством обеспечения производства, а не его целью.

Та советская экономгеография, в которой человек присутствует лишь как производительная сила, изжила себя практически полностью, утратив свою эвристическую силу. В обществе, где лозунг превращения человека в трудовой ресурс проводился в жизнь железной рукой, эта наука вполне могла объяснить реальность, используя узко экономический подход. Однако после того, как началась широкая гуманизация общественной жизни, такой подход оказался недостаточным, и пришлось выходить за рамки традиционных исследований. Это связано с тем, что экономическая география утратила способность объяснять реалии внеэкономические, так как эти последние перестали подчиняться экономике. Именно они, столь запущенные и униженные еще недавно, оказались источниками наиболее острых проблем развития общества и потому потребовали к себе особого пристального внимания. Это делало выход за пределы экономгеографии просто неизбежным.

Однако сплошь и рядом приходится убеждаться, что термин "общественная география" стал просто моден, что его используют для внешней модернизации имиджа научной деятельности, которая по сути остается прежней.

В связи с этим возникает необходимость определить основные признаки, отличающие общественную географию от традиционной экономической.

Во-первых, это тезис, согласно которому экономическая география не является единственным ингредиентом "нефизической". Другого, собственно, никто и не утверждал открыто, но постоянно имелось в виду, что остальные дисциплины несравнимо менее значимы, чем собственно экономическая география. Иными словами, никто не запрещал советским географам исследовать культуру, социальную жизнь или политику, но подразумевалось, что в конечном счете это нужно лишь потому, что здесь тоже можно найти факторы повышения эффективности общественного производства, т.е. решать экономико-географические задачи. Убеждение в том, что культурной или социальной географией можно и нужно заниматься как таковыми, а не в виде исследований вспомогательного характера, — первый шаг в сторону подлинной общественной географии, может быть, самый трудный и существенный.

Многие ученые готовы признать данный тезис, но при этом утверждают, что экономическая география остается главным ингредиентом "нефизической". Поэтому здесь необходимо обратиться ко второму тезису, согласно которому география хозяйства не является главной составляющей общественной географии. Производство — не цель общественного развития, а средство достижения процветания и благополучия его членов. Цели развития производительных сил лежат вне их самих, главные причинно-следственные связи экономической географии тоже лежат вне ее самой, и поэтому она не самодостаточна, в ней невозможно создать систему правил без привлечения каких-то установок извне. Словом, экономгеография вовсе не диктует правила другим разделам общественной географии, не определяет закономерно-

сти последней; она занимает в ней равноправное с другими частями положение и зависит от них в своих исследованиях.

Наконец, третий тезис гласит, что экономическая география не может "представительствовать" от имени всех остальных составных частей географии "нефизической", так как она сильно отличается от них по своим закономерностям. Этот тезис важно отметить особо потому, что многие ученые все еще считают, что накопленный арсенал экономической географии составляет научную основу всей "нефизической" географии, некую скрижаль завета, из которой следует выводить остальное знание в общественной географии. Это не так, и заблуждаться на сей счет было бы весьма опасно. Экономическая деятельность общества — занятие весьма специфичное, она разворачивается в пространстве по своим особым законам, изучение которых и составляет основную цель экономической географии.

Знания, полученные в ходе такого изучения, не слишком-то применимы для других сфер человеческой деятельности, и географию последних следует строить самостоятельно. Конечно, тут много пересечений, аналогий и взаимозависимостей, которые имеют огромное значение для понимания пространственной организации общества; выявление географических закономерностей и тенденций, общих для всех и любых видов человеческой деятельности — привлекательная задача для географа. Однако это не отменяет такой фундаментальной постулат, как невозможность выведения географии, например политической, из закономерностей географии экономической.

Более того, арсенал этой последней науки сплошь и рядом оказывается просто неприменимым в сфере политической или культурной географии. Ведь в экономической географии закономерности весьма жесткие, тут ученый имеет дело с производственными силами, жизнь которых пронизана технологическими зависимостями, и лишь управленческая и трудовая деятельность человека приносит сюда значительную долю неопределенности. Последняя, кстати, иными рассматривается как досадный "информационный шум".

Совсем иные "правила игры" в культурной географии. Здесь главный объект — сам человек и его поведение, здесь открывается безграничный простор для "неопределенности". Ведь "объект" располагает свободой воли, его поведение не всегда рационально (особенно с узко экономической точки зрения), а потому гораздо труднее поддается исследованию. Можно заметить, что географические различия в характере того, что принято считать рациональным, составляют одну из главных проблем "внеэкономической" географии. Для того чтобы быть адекватным своему объекту по сложности, методика изучения его географами должна быть заведомо нежесткой, гибкой, иначе произойдет упрощенное и даже неверное отображение реальности.

Как нам представляется, подход, определенный выше, открывает перед всеми разделами общественной географии широкие горизонты развития, а собственно экономическую освобождает от перегрузки идеологическими вопросами, которые навязывали экономике и ей прежде. Именно теперь она смогла бы приступить к решению своих специфических научных проблем, не считая больше себя обязанной решать задачи всего общества в целом. К тому же признание огромности того мира, который простирается за околицей "чистой" экономической географии, позволяет обнаружить, что многие жгучие ее проблемы уходят своими корнями именно туда, за околицу, и если там развернется активная научная деятельность, свободная от "ползучего экономизма", то это сулит блестящие перспективы данной традиционной науке.

В предлагаемой вниманию читателя коллективной монографии на материалах зарубежных стран рассматриваются важнейшие направления и проблемы современной общественной географии.

Работа подготовлена сотрудниками кафедры социально-экономической географии зарубежных стран географического факультета МГУ.

Л. В. Смирнягин